

Сярод пералічаных вышэй айконімаў вылучаецца назва *Гальшаны*, якую мае вёска Ашмянскага раёна, вядомая яшчэ з XIII ст.; у 1640 г. – Альшаны, што дае магчымасць лічыць пачатковы г прагэтычным (параўн. Анна – Ганна, арабіна – гарабіна і інш.). У аснове наймення, верагодна, назва дрэва альха. Акрамя таго, шырока вядомы род князёў Гальшанскіх, хоць ёсць і прозвішча Альшанскі. Абодва антрапонімы ўтвораныя хутчэй за ўсё ад тапонімаў Гальшаны, Альшаны [1, с. 76].

ЛІТАРАТУРА

1. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 447 с.
1. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак : у 5 т. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1993–1998. – Т. 1 : Раслінны і жывельны свет. – 1993. – 160 с.
2. Moszynski, K. Kultura ludowa siołian. T. I : Kultura materialna / K. Moszynski. – Warszawa : Księżka i Wiedza, 1967. – 748 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. ; пад агульнай рэд. К. К. Атраховіча – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964–1973. – 4 т.

Развадовская Н. А. (Минск, Беларусь)

ДУХОВНАЯ ЛИРИКА ИЕРОМОНАХА РОМАНА: ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО

Рубеж XX–XXI века связан с идеями мультикультурализма и глобализации, породившими ряд негативных тенденций, в частности отход от национальных культурных традиций и попытки переосмысления исторического опыта, моральных и религиозных аксиом, что не может не вызывать опасения. Одним из источников сохранения национальной идентичности, на наш взгляд, остается религия и духовная литература.

Как известно, русская церковная литература, возникшая практически сразу после принятия христианства Русью, вплоть до XVII в. определяла пути развития общества, культуры и искусства. Неудивительно, что религиозная тематика оказалась присущей не только церковной, но светской литературе.

Духовные стихи – народные стихотворения-песни на христианские темы и сюжеты – давно стали неотъемлемой частью русской культуры. Первые записи духовных стихов, псалм, позже кантов, датируются XV в., но наибольшую популярность они приобрели в XVII–XVIII вв., поскольку несли глубокое назидательное начало. Особенно широкое распространение духовные стихи получили среди старообрядцев и сектантов (молокан, духоборов, хлыстов и др.), хотя эти стихи были распространены и в среде конфессионально традиционной – у православных и католиков. Тематический диапазон духовных стихов того времени чрезвычайно широк: обработки ветхозаветных и новозаветных сюжетов, житийные легенды, эсхатологические и «покаянные» стихи.

В XX в. ситуация изменилась: духовные стихи не исчезли как жанр, но «ушли в подполье», а их соби́рание и исследование серьезно затруднилось, что связано с Октябрьской революцией и наступившей эпохой воинствующего атеизма. Лишь на исходе XX века, в середине 90-х гг. духовные стихи обрели второе рождение как в среде ученых (С. Е. Никитина), так и авторов (сб. «Благословен идущий к Богу», «Отзвуки небес» и др.).

Одним из тех, кто стоял у истоков возрождения традиции духовных стихов, стал А. И. Матюшин, более известный под церковным именем иеромонах Роман. До принятия духовного сана А. И. Матюшин был известен как «есенинский» поэт, поэт-пейзажист, воспевавший красоту провинциальной Руси. К слову, влияние С. А. Есенина сохранилось и в духовных стихах А. И. Матюшина. После пострига (1983) и рукоположения в иеромонахи (1985) А. И. Матюшин, получивший имя Роман, затворился от мира, но от поэзии не отрекся, он продолжил писать стихи, но их тематика изменилась: «Один Бог – Истина, Свет, Жизнь, Любовь, Премудрость. Один Господь – Святая Цель всего творения. И любые виды искусства – прежде всего пути, приводящие к Свету или уводящие во мрак. Творящий оправдается или осудится сотворенным. Посему – да будет сотворенное не слуху и зрению, а душе!» [1, с. 3] Эти слова, предпосланные сборнику «Пред всеми душа виновата» (2006), можно рассматривать не только в качестве религиозного, но и этического и эстетического кредо иеромонаха Романа.

Лирика иеромонаха Романа – синтез традиций и новаторства. Традиционность проявляется прежде всего в доминирующих темах – величие Бога и греховность людей, суетность земного бытия и метания души человеческой, а также в общей минорной тональности стихотворений, говорящих о смерти, расставании души с телом, о краткости земной жизни: «Исчезну я с лица земли, / Оставлю белый свет», «И вы исчезнете потом / С лица земли, как я» [1, с. 56].

Через всю лирику иеромонаха Романа проходит мотив покаяния: «Что, душа, плох дела? / Нет в тебе просвета. / Хорошо же ты жила, / Коль живой отпета» [1, с. 39].

И сам поэт, и его лирический герой остро осознают свою греховность, тяготятся ею («И проклял я свое лукавство, / В котором с колыбели рос / – Душе моя, душе, покаяйся, / Да пощадит тебя Христос!» [1, с. 40]) и уповаает на милосердие Божие («Воды, воды надо мной, / До души видоша / И шепчу под Волчий вой / – Пощади мя, Боже» [1, с. 54]).

Для поэта Бог – это Любовь, Мудрость, Свет: «Нет, не понапрасну я / Так молил судьбу, – Встало Солнце Ясное, / Осветило путь. / Так восстань, душе моя, / Умолчи от слез. / С нами Солнце Истины – ИИСУС ХРИСТОС» [1, с. 10]. И поэтому ему тяжело осознавать, что люди в угоду своим страстям и материальным благам ушли от Бога: «Душа моя перед Тобой, / Живого места нет. / На свете том одну лишь боль / Носил я много лет. / И ныне ранами покрыт / От головы до пят, / Но боле всех кровоточит, – Что мир отверг Тебя» [1, с. 57].

Поэт уверен, что забвение Бога – путь к духовной смерти, поскольку Господь – это сама Жизнь, а Христо принес искупительную жертву во имя людей: «А вы... Неужто в самом деле / Забыты добрые дела? / Ведь жили Вы и зеленели, / Пока питались от Ствола. / Но эти гибельные краски / Добились все же своего, / И вы отпали без опаски / (Ах, если б знали, от Кого!)» [1, с. 50].

Иеромонах Роман уверен: без Бога нет жизни, но в то же время он говорит о том, что у человека всегда есть выбор, есть два пути – с Богом в сердце или без него. По мысли поэта, человек без Бога в сердце не способен любить, доброту воспринимает как атавизм. Так в стихотворении «Не мешайте мне сегодня плакать» появляется образ бездомной собаки, лишившейся крова из-за крова из-за своей веры в людей: «Без хвоста, из-за нехватки злости, / Но топор не умалил добра. / И чтоб даром не глодала кости, / Выперла хозяйка со двора» [1, с. 24]. Лирический герой ассоциирует себя с собакой, ощущает свое родство с ней, поскольку остро осознает свою чужеродность в мире расчетливых и жестоких людей («Слякоть. Холод. Двое, я и сына, / Души свои лечим под дождем» [1, с. 25].

Горестно обращается герой к людям: «Что ж мы, люди? Пропадают звери / Оттого лишь, что добрее нас» [1, с. 25].

Как жить, каково назначение монаха-поэта в этом мире, есть ли возможность спасти наш мир от зла, жестокости и эгоизма? Эти вопросы иеромонах Роман адресует в первую очередь себе, а потом уже своим читателям. Так в лирике поэта появляется мотив юродства: «Пробил мой час. Пора приспела. / Пойду, забыв отца и мать, / Свое нутро рубашкой белой / В воде юродства полоскать» [1, с. 34]. Свое назначение иеромонах Роман видит в том, чтобы нести слово Божье людям, учить милосердию, смиренно сносить презрение и побои толпы: «И буду я, гонимый всюду, / Повсюду пугалом ходить / И одуроченному люду, / Дурачась, что-то говорить. / Но люд, не слушая особо, / Турнет, спокойствие храня, / И где-то безо всякой злобы / Камнями избьют меня. / Но встав, по всеям и по градам / Продолжу прерванный свой путь» [1, с. 34].

Однако сожалее о заблудших, поэт не осуждает их. Он полон христианской любви к людям и понимает, что природа человека двойственна: душа, даже заблудшая, жаждет Света, но слабая плоть и искусовые страсти мешают познанию Господа, ведь даже он, монах, посвятивший себя Богу, грешен: «Что послужил, то получил, / Что пользы в отпевании, / Когда и часу я не жил / В любви и покаянии? / Носил одежды чернеца, / Имея норы аховский, / Неправде не было конца / Под одеяньем ангельским» [1, с. 44]. Так в стихотворениях иеромонаха Романа появляется образ птицы, обреченной существовать в двух пространствах, который символизирует человека: «Но как не рвутся птицы в поднебесье, / А умирают все же на земле» [1, с. 15].

Мотив умирания, смерти – второй по частоте мотив в лирике иеромонаха Романа. Смерть – логичный и неотвратимый финал существования любого живого организма: «О хрупкость человеческого я! / Все с рожества стремится к умиранью, / Познал я ныне бренность бытия / И изнемог от этого познания» [1, с. 68]. Отношение к смерти у поэта двойственное. С одной стороны, будучи христианином, он верит, что земная жизнь ничтожна по сравнению с Вечной жизнью души, и в этом контексте воспринимает смерть как избавление: «Но слава Богу, вышел срок / Земного бытия» [1, с. 56]. С другой стороны, поэт, даже будучи монахом-затворником, осознает себя обыкновенным человеком, поэтому смерть его страшит и он мечтает отсрочить неминуемый конец: «О смерть! Невыносим твой зрак, / Душа мятется в испуге, / Предчувствуя кромешный мрак, / И тщетно молит – дай мгновенье» [1, с. 62]; «О умру, но только б не сейчас: / Не готов, хотя довольно пожил. / Вот и гибель зади и плеча, / Но пока еще помилуй, Боже...» [1, с. 80].

Так есть ли спасение для людей и есть ли оно? Есть. По мысли иеромонаха Романа, спасение – это вера в Бога и любовь к людям: «Что нужно для спасения. Немного, / Блажен, кто в этом малом преуспел, / Чтоб ты, душе, не забывала Бога / И к людям относилась, как к себе» [1, с. 75].

Конечно, более всего в своих стихотворениях иеромонах Роман размышляет о Боге и человеке, о Добре и Зле, но его лирике не чужды и гражданские мотивы. Став монахом, иеромонах Роман не перестал быть гражданином. Он больно наблюдает за происходящим в мире: «Страна моя! Такого не знавали. Ни прадеды, ни деда, ни отцы. / Тебя живьем кусали да кромсали / Ядущие с тобою по плечи!» [1, с. 72]. Поэта волнует судьба России, и он призывает к патриотизму народа. В этот миг смиренный инок, кающийся и кроткий, превращается в страстного трибуна, воина: «О Родина! Вставай без промедленья! / Гони христопродавцев и ворье! / Бог обратит великое падение / В великое восстание твое!» [1, с. 73].

В лирике иеромонаха Романа Россия и Бог неразрывно связаны, святая Русь не мыслится им вне Бога, как не мыслится вне Бога ни один человек, ни один народ: «Без Бога нация – толпа, / Объединенная пороком, / Или слепа, или глупа, / Иль, что еще

страшней, жестока. / И пусть на трон взойдет любой, / Глаголющий высоким слогом, / Толпа останется толпой, / Пока не обратится к Богу!» [1, с. 69].

Следует отметить и поэтический язык иеромонаха Романа. Его стихотворения изобилуют устаревшими словами и формами, церковнославянизмами (лбзать, веси, пояде, таяше, ангеле, грады, глава, зрак, мяк, внидоша, келия и др.). Рядом с ними соседствуют разговорные слова и просторечные выражения (аховский, плясь, переть, суки, картишки, куликать, голодуха, лизоблюды, рыпаться, выспятки и др.). Изредка появляются и авторские неологизмы (кленёнок). Также стихотворения иеромонаха Романа обнаруживают тесную связь с русской фольклорной традицией, которая проявляется в использовании формы плача, рефрена-причитания («Горе мне, о горе мне, / Горе мне великое!»; «Раю, мой Раю, / Раю, мой, Раю»), устойчивых инверсионных оборотов («птица черная», «тьма кромешная»), троичности («тридцать лет и три года»).

«Его стихи – по настоящему талантливы. В них отзвуки древней христианской поэзии и русской классики, народные мотивы и очень современный, живой и понятный взгляд автора на мир», – писал архимандрит Тихон, наместник московского Сретенского монастыря [Цит. по: 1, с. 3].

Именно синтез традиции и новаторства делает лирику иеромонаха Романа живой, пронзительной, доходящей до сердца каждого читателя и слушателя. Неслучайно в 2015 г. иеромонах Роман был награжден золотой медалью им. А. С. Пушкина «За выдающийся вклад в литературу».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иеромонах Роман (Матюшин). Избранное / Иеромонах Роман (Матюшин). – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 160 с.

Рак М. С. (Мінск, Беларусь)

ЖАНРАВЫ СІНКРЭТЫЗМ РАМАНА ЛЮДМІЛЫ РУБЛЕЎСКОЙ «ДАГЕРАТЫШ»

Канец XX – пачатак XXI стст. – адзін з самых сінкрэтычных у ідэйным, тэматычным, стыльвым і жанравым плане перыядаў у развіцці беларускай літаратуры, час нараджэння і (ці) трансплантацыі на нацыянальную глебу такіх з’яў і кірункаў, як постмадэрнізм, неасэнтывэнталізм, неарамантызм, авангардызм і паставангардызм, сюррэалізм, імпрэсіянізм, метарэалізм, сац-арт, канцэптуалізм і інш. Названая тэндэнцыя ці не ў першую чаргу выявілася ў жанравым сінкрэтызме найноўшай літаратуры ў кірунку сінтэзу і раз’яднання, сутыкнення і адштурхоўвання розных жанраў і жанравых форм, з’яўлення новых міжродавых і поліжанравых утварэнняў, мадэрнізацыі аўтарскіх жанравых форм. Як слушна зазначала І. Шаўлякова-Барзенка: «Вызначальнай, характаралагічнай рысай беларускай прозы гэтага перыяду паўстае спалучэнне праблемна-тэматычнай, жанравай, стылявой поліфанічнасці з дамінаваннем цэнтральнай ідэі – ідэі адраджэння (аднаўлення ў новай культурнай – няўстойлівай – сацыякультурнай парадыгме) нацыянальнай самасці» [6, с. 8].

Адзакі плённага пошуку ў рэчышчы жанравага «поліфанізму» выявілася ў творчасці Людмілы Рублеўскай, дзякуючы якой нацыянальная гістарычная проза апошніх дзесяцігоддзяў стала яскравым прыкладам жанравай дыфузнасці і разамкнёнасці. У апавяданнях, апавесцях, міфах і раманах пісьменніцы гісторыя і сучаснасць знаходзяцца ў «паралельных» стасунках: першая заўсёды / амаль заўсёды пераплятаецца з другой, выкарыстоўваецца двусветаваць (а часам і шматсветаваць), як адзін